

Катарсис и моральная терапия (II) в учении Аристотеля

Задача этой статьи — выяснить, может ли катарсис как поэтическая концепция Аристотеля способствовать решению некоторых дидактических проблем в процессе обучения студентов медицинских специальностей совладанию со сложными в моральном отношении или с трагическими ситуациями принятия профессиональных решений. Другая задача этого исследования — показать, что Аристотелевы критерии разграничения понятий «история» и «трагедия» позволяют преобразовать реальные истории болезни в трагические истории болезни. Кроме того, анализируются дидактические возможности трагических историй болезни. В целом же это исследование посвящено вопросу о том, насколько толкование Аристотелева понятия трагического катарсиса может способствовать развитию терапевтической концепции медицинской этики, проанализированной в предыдущей публикации о катарсисе и моральной терапии Платона.

Введение

Эта статья посвящена изучению противоречивого толкования Аристотелем понятия *трагический катарсис* в *Поэтике*. Существует три причины для ограничения исследования только *Поэтикой*. Во-первых, есть основания полагать, что Аристотелева концепция поэтического катарсиса представляет собой «некий ответ Платону» (Nussbaum, 1992, p. 281). Во-вторых, в свое определение трагедии в *Поэтике* Аристотель вложил противоречивую связь между катарсисом и эмоциями сострадания (*eleos*) и страха (*phobos*).¹ В-третьих, резонно полагать, что исследование эмоционального потенциала Аристотелевой поэтической концепции катарсиса может привести к прояснению некоторых дидактических проблем в процессе обучения студентов медицинских специальностей совладанию со сложными в моральном отношении или *трагическими* ситуациями принятия профессиональных решений, а именно, когда приходится принимать решения с возможными катастрофическими последствиями для одного или для нескольких пациентов, хотя в то же время совершенно ясно, что выбора как такового или же выбора, свободного от некоторой доли ошибочности или вины (*hamartia*), избежать невозможно.

Я утверждаю, что преподавание медицинской этики сконцентрировано главным образом на ее *инструментальных* аспектах, а именно, на разъяснении и уточнении концепций, методологическом анализе конкретных клинических случаев, обсуждении стратегий и теорий решения моральных дилемм. В то же время игнорируется *катартическая* роль, которую сострадание, страх и другие болезненные эмоции, например гнев и фрустрация, могут играть в процессе морального дискурса и научения. В этой связи я также надеюсь показать, что возможности развития терапевтической концепции медицинской этики, продемонстрированные в предыдущей публикации о катартическом лечении и моральной системе Платона, могут быть расширены благодаря толкованию Аристотелева понятия трагического катарсиса.

Поэтическое описание катартического лечения

Один из аргументов, подтверждаемых в этом разделе, — справедливость утверждения Nussbaum о том, что Аристотелева концепция поэтического катарсиса подана как ответ Платону, главным образом на его трактовку понятия катарсиса в *Федоне* и *Республике*. С другой стороны, ограничивая свое поле исследования двумя наиболее идеалистическими диалогами Платона, каковыми являются *Федон* и *Республика*, Nussbaum теряет возможность подтвердить тот факт, что концепция катартического лечения, предложенная в диалогах *Хармид* и *Софист*, полностью совместима с концепцией трагического катарсиса в *Поэтике* Аристотеля.

По мнению J. Hardy (Hardy, 1932, p. 16), в греческой литературе нет более известного пассажа, чем десять слов из *Поэтики*, которые являются драматическим определением катарсиса как связанного с болезненными эмоциями сострадания (*eleos*) и страха или ужаса (*phobos*). Пассаж, который на протяжении столетий вызывал «потoki откликов» (публикация на немецком языке: «Flut von Schriften, Gudemann, 1934, p. 167), таков:³

Трагедия есть подражание действию — важному и законченному, которое имеет [определенный] объем, — [производимое] речью, приукрашенной по-разному в разных ее частях, [производимое] в действии, а не в повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение (*katharsis*) подобных страстей. «Приукрашенной» я называю речь, имеющую ритм, гармонию и напев, а «по-разному в разных ее частях» — то, что в водных частях этосовершается только метрами, а в других еще и напевом*.

³Здесь и далее перевод на русский язык фрагментов текстов Аристотеля приводится по изданию: Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.

Во вторичной литературе не достигнуто окончательного согласия о точном смысле, который Аристотель вложил в свое определение катарсиса. Напротив, предложено множество относительно неравнозначных интерпретаций, к которым я вернусь несколько позже. Сам термин, тем не менее, принадлежит, как упоминалось в предыдущей публикации, к семейству слов (*catharos*, *catharsis*, *catharmos*), которые употреблялись в различных контекстах (Nussbaum, 1992, p. 280-281): «обыденно-практическом, образовательном, медицинском, религиозном, литературном». Согласно Nussbaum, нет оснований полагать, что термин «катарсис» когда-либо отделялся от этого семейства и употреблялся в ином значении. Наоборот, обыденные толкования — например, «очищение» или «прояснение», — по-видимому, используются чаще всего. Разногласие относительно «катарсиса» в определении Аристотелем трагедии касаются, таким образом, не формального значения слова, а того, какое именно «очищение» или «прояснение» имел в виду Аристотель.

Во вторичной литературе можно выделить, по крайней мере, шесть различных групп интерпретаций:

- *медицинские* интерпретации и интерпретации катарсиса как естественного процесса *выброса / высвобождения* или *выхода* эмоций;
- понимание катарсиса как эмоционального и интеллектуального *просветления*;
- *моральные* интерпретации, включающие интерпретации катарсиса как эмоционального *воспитания*;
- толкование катарсиса как переживания эмоционального *утешения*;
- *эстетические* интерпретации или интерпретации *драматического* или *структурального* свойства;
- комплексные или «холистические» подходы к интерпретации катарсиса.

В моем анализе я не питаю амбициозных надежд разрешить давние противоречия и установить, какая из упомянутых интерпретаций более всего соответствует Аристотелю определению трагедии. Моя задача скорее иная, более скромная, а именно исследовать дидактический потенциал каждой интерпретации в свете процесса медико-морального дискурса и научения. Другими словами, все, чего бы мне хотелось достичь, — это продемонстрировать, как различные интерпретации термина «трагический катарсис» можно использовать для поиска и обоснования разнообразия форм *просветления* и *очищения*, вовлеченных в процесс медико-морального дискурса и научения. Осуществляя свое намерение, я также надеюсь прояснить, почему *трагические* истории болезни следует считать наиболее важными учебными пособиями и источниками знания медицинской этики.

Медицинские интерпретации «трагического катарсиса»

Одна из имеющих наибольшее отношение к медицине интерпретаций трагического катарсиса, до настоящего времени оживленно обсуждаемая в литературе, была предложена J. Bernays, дядей супруги Зигмунда Фрейда. В своей значительной работе, опубликованной в 1857 году, Bernays выдвинул аргумент в пользу того, что посещение трагических спектаклей может оказывать непосредственное терапевтическое воздействие на зрителя — в том смысле, что это может очищать и освобождать его от давления нежелательных эмоций сострадания и ужаса. Для поддержки своей «патологической точки зрения» (на немецком — *pathologischer Gesichtspunkt*) Bernays ссылается на фрагмент из *Политики* VIII 7.1342a4–16 (Bernays, 1857/1879, p. 158).⁴ В этом пассаже, цитированном в предыдущем примечании, Аристотель объясняет смысл и роль катарсиса в отношении жалости и ужаса, сравнивая его с процессом психологического оздоровления, переживаемого людьми в связи с истерическими вспышками эмоций (*enthousiasmos*) в ответ на катартические песнопения, которые используются как терапевтическое средство. Bernays приводит это сравнение, дабы подчеркнуть, что Аристотель мыслил катарсис как терапевтическое средство для лечения патологических эмоций:

Катарсис, таким образом, становится специальным типом *iatreia* (термин, означающий «исцеление», который использовался ранее): экстаз превращается в покой посредством оргиастических песен, как болезнь сменяется здоровьем вследствие медицинского лечения — не вследствие любого лечения, а только вследствие того, при котором применяют катартические

средства, чтобы победить болезнь. Таким образом объяснима загадка *эмоциональной* патологии: мы можем понять ее, сравнивая с патологической *телесной* реакцией...

...

... термин *катарсис* перенесен из сферы соматического в сферу эмоционального и используется для обозначения вида лечения угнетенного человека, который стремится не изменить или подавить угнетающий элемент, а активизировать этот элемент и избавиться от него и таким образом достигнуть какого-то освобождения от угнетенного состояния (Bernays, 1857/1879,

р. 159–160).

Основная проблема в отношении психопатологической интерпретации Bernays заключается в том, что она превращает древнегреческий театр в *медицинский* театр, т. е. в действие, благодаря которому эмоционально нестабильные зрители могут измениться так, чтобы пережить активированные нежелательные эмоции сострадания и ужаса и таким образом от них избавиться. Следовательно, трагический катарсис возникает как что-то такое, что прибегается для людей с эмоциональными расстройствами, а не для зрителей со здоровой *психикой*. Как заметил Leag:

... единственная причина понимать катарсис как метод лечения патологического состояния заключается в том, что первый пример катарсиса у Аристотеля — это лечение религиозного экстаза. Тем не менее, даже если мы считаем религиозный экстаз состоянием патологическим, идея об использовании катарсиса в отношении патологического состояния может быть подтверждена лишь благодаря игнорированию важного утверждения Аристотеля, которое содержится в цитированном тексте. Начиная свою дискуссию о катарсисе с примера подверженности религиозному безумию, Аристотель далее говорит, что то же самое происходит со всяким, кто испытывает сострадание и страх и — в более общем смысле — со всяким, кто эмоционально воспринимает происходящие события. Дабы не осталось никаких сомнений, что Аристотель намерен включить всех нас в эту категорию, он продолжает: «определенный катарсис и облегчение с удовольствием происходит у *каждого*» (Leag, 1992, р. 316-317).

Более того, эта *психопатологическая* интерпретация явно отличается от утверждения, сделанного несколько позже в *Политике*, согласно которому в театре есть место для *каждого* — как для свободных и образованных, так и для ремесленников, рабочих и им подобных (*Политика* VIII 7.1341a17–21).⁵

Иной подход к сути катарсиса в *Политике* (VIII 7.1342a4–16) и, следовательно, к Аристотелю определению трагедии в *Поэтике* (1349b25–30), который, по-видимому, оправдывает медицинские аллюзии без превращения трагического катарсиса в терапевтическое средство, предназначенное для эмоционально нестабильных людей, предложен Y. Flashar (Flashar, 1956, pp. 12–48). Его альтернатива — раскрыть медицинскую основу толкования Аристотелем сострадания и ужаса. Flashar считает, что до Аристотеля (в частности, у Горгия и Платона) в общепринятых оценках воздействия поэзии сострадание и ужас всегда ассоциировались с рядом *соматических* симптомов: ужас (*phobos*) — с дрожью от холода, трепетанием, перебоями в работе сердца и состоянием, когда «волосы встают дыбом»; жалость (*eleos*) — с плачем и со слезами на глазах. Более того, он считает, что способ проявлений этих эмоций и связанных с ними симптомов, представленный в этих описаниях, индуцирует описание и объяснения причины в нескольких трактатах «Корпуса Гиппократов». В них ужас и связанные с ним симптомы рассматриваются как следствие чрезвычайного избытка *холода*, а жалость и ее соматические проявления в виде слезотечения объясняются воздействием чрезвычайного избытка *влажности*. Наконец, Flashar вновь обращается к текстам Аристотеля и убедительно показывает, что последний в своем описании сострадания и ужаса, а также в своей теории эмоций полагается на те же медицинские категории, причинные связи и их пояснения, что и его предшественники.

Использование этого альтернативного подхода не приводит к пониманию катарсиса, которое бы полностью отличалось от предложенного Bernays. Что действительно открывает нам подход Flashar, так это обилие медицинских концепций и способов объяснения в *общей* теории эмоций Аристотеля. Следовательно, трагический катарсис сохраняет свое значение «очищения», но не в смысле «эмоциональной *патологии*», описанной Bernays (Bernays, 1857/1879, р. 159), а как *психосоматический*, т. е. *нормальный* процесс выражения эмоций, описанный в Аристотелевой общей теории эмоций. Как замечено Leag, в пользу такой интерпретации свидетельствует также факт, что чаще всего Аристотель использует «катарсис» при описании выделений, характеризующих нормальное телесное функционирование, например, менструальных выделений,

извержения семени или мочеиспускания (Lear, 1992, p. 315).⁶

Трагический катарсис как эмоциональное и интеллектуальное просветление

Одним из первых ученых, предположившим, что катарсис означает эмоциональное и интеллектуальное «просветление», был L.A. Post. Его перевод фрагмента о катарсисе звучит следующим образом:

«Трагедия оказывает эффект просветления, привнося в сознание воображаемые сцены горя и ужаса и освобождая его таким образом от озабоченности своими собственными подобными эмоциями» (Post, 1951, p. 267). L. Golden, наиболее последовательный приверженец когнитивной интерпретации трагического катарсиса, приводит доводы в пользу того, что это прочтение наилучшим образом соответствует общей линии аргументации *Поэтики*:

... из первой главы *Поэтики* (47a13–16) мы узнаем, что поэзия является разновидностью *mimesis* [т. е. подражания]; из четвертой главы (48b4–19) мы начинаем понимать..., что неотъемлемая характеристика и цель *mimesis* — это опытнонаучения; в девятой главе (51b5–10) эта мысль подтверждается и проясняется, когда нам говорят, что поэзия более философична и многозначительна, чем история, потому что она направлена на выражение общего, а не частных... В четырнадцатой главе (53b10–14) нам сообщают, что специфическая положительная особенность трагедии выводится «из сострадания и страха посредством *mimesis*», и мы приходим к заключению, что целью трагедии должно быть интеллектуально позитивное приобретение опыта, связанного с феноменом сострадания и страха в человеческом существовании; поскольку *катарсис* и связанные с ним понятия используются Платоном, Эпикуром, Филодемом и другими учеными в значении интеллектуального просветления, вполне оправданно в шестой главе придавать этому термину интеллектуальную значимость, что делает его интегральной частью общей аргументации *Поэтики* (Golden, 1973a, p. 45).⁷

Одно замечание относительно интерпретации Golden, которое, как я считаю, стоит учитывать, что бы ни думать о *катарсисе* как об интеллектуальном просветлении, — это то, что Keeseу называет «неоднозначностью» и «продуктивной неопределенностью» термина: «Он не останется неизменным»; в том смысле, что, вероятно, его можно употреблять на нескольких уровнях и в отношении различных ситуаций (Keeseу, 1979, p. 201–202). В последнем пункте этого раздела я еще вернусь к этому замечанию.

Воспитательные и моральные интерпретации «трагического катарсиса»

Со времен неоклассицизма воспитательные и моральные интерпретации катарсиса сыграли центральную роль в дискуссии об определении трагедии Аристотелем.

Очень популярный, хотя и несколько поверхностный вариант суждения, изложенный Halliwell, указывает на существование *прямой* связи между трагическим катарсисом и обучением этике:

... трагедия обучает зрителей на примере — или на контрпримере — сдерживать собственные эмоции и греховные помыслы, которые могут вызываться этими эмоциями: мы научаемся посредством катарсиса избегать страстей, которые могут привести к страданию и трагедии (Halliwell, 1986/2000, p. 350–351).

Более разработанная и детализированная версия такого комментария предложена Bernays на основе текста G.E. Lessing. В своей *Hamburgische Dramaturgie* Lessing утверждает, что термином «трагический катарсис» Аристотель просто обозначил «метаморфозу» сильных эмоций в добродетель:

Таким образом, если быть кратким, то это очищение не представляет собой ничего, кроме превращения страстей в добродетели, и поскольку, по мнению нашего философа, каждая добродетель расположена между двумя противоположностями, из этого следует, что трагедия, если она превращает наше сострадание в добродетель, должна быть способна очищать нас от обеих крайностей сострадания; все это справедливо в отношении страха (Lessing, 1767–8/1978, p. 380).⁸